

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива	11
Приложение. <i>Л. А. Герд</i> . Фотоархив В. Н. Бенешевича	74
Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения	85
О неосуществленном проекте по изданию корпуса источников византийского права	135
Неожиданный Бенешевич: заметки по материалам архива ученого	173
Н. П. Кондаков как соавтор В. Н. Бенешевича по изданию Синайского альбома	183
Отчет В. Н. Бенешевича о командировке за границу в 1927 году ..	195
Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского. (По случаю представления в академики на выборах 1927–1929 годов)	207
О несостоявшемся участии В. Н. Бенешевича в академическом издании Русской Правды	223
К истории изучения переводной новгородской письменности конца XV столетия	227
Об одном неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию русского перевода «Тайной истории» Прокопия Кесарийского	243
В. Н. Бенешевич как «душеприказчик» Н. П. Лихачева	261
«Порекомендуйте меня Мошину!» (Из переписки В. А. Мошина и В. Н. Бенешевича)	275

Урок Бенешевича	281
Записка В. Н. Бенешевича о возрождении византиноведения в Ленинградском государственном университете	301
Неизвестные страницы времен аспирантской молодости А. В. Банк	309
Письма искусствоведов в архиве В. Н. Бенешевича	329
Переписка В. Н. Бенешевича и В. Д. Бонч-Бруевича	337
Одна несбывшаяся мечта — статья палеографом	393
Заседание кафедры истории средних веков Ленинградского государственного университета 10 октября 1937 года	399
«Последний из могикан»: трагический финал. Письма в защиту В. Н. Бенешевича	411
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Л. Б. Вольфиун. Amata mea.</i>	427
УКАЗАТЕЛИ	
Указатель имен	445
Указатель шифров документов и рукописей	471
Сокращения	481
Contents	485

ОТ АВТОРА

Владимир Николаевич Бенешевич (род. 19 августа 1874 г. в г. Друя Дисненского уезда Виленской губ.) — безусловно одна из самых трагических фигур в нашей отечественной науке. Перед тем, кто знакомится с перипетиями жизненного пути этого выдающегося ученого, разверзается подлинная бездна. С одной стороны — максимализм в науке, беззаветное в ней подвижничество, раннее осознание своего жизненного предназначения, осознание главных, необыкновенно высоко поставленных целей, предвосхитивших многое из того, что стало возможным лишь в наше оснащенное изощренной техникой время коллективных научных проектов, методичная самоподготовка к их осуществлению, всемирное признание ученых заслуг. С другой — внезапно воздвигнутый судьбой (в лице советской власти) заслон на пути осуществления этих планов, крестные муки бесконечных обысков, арестов, тюрем и лагерей, отчаянные попытки в этих поистине экстремальных условиях успеть что-то еще сделать для горячо любимой науки (и он действительно делает замечательные «вещи»!) и... конец (расстрелян в застенках НКВД 27 января 1938 г.¹). Вот уж

¹ Сведения о смерти ученого взяты из официального документа — ответа ныне уже покойному Я. Н. Щапову на его запрос заместителя начальника УКГБ СССР по Ленинградской области В. Н. Блеера от 23 марта 1989 г. (я сердечно поблагодарил Я. Н. Щапова за предоставленную возможность ознакомиться с документом). О В. Н. Бенешевиче см. также: *Гранстрем Е. Э.* Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения) // ВВ. Т. 35. 1973. С. 235–243; *Щапов Я. Н.* 1) Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Бенешевича // Клио. Bd. 61. 1979. Н. 1. S. 235–242; 2) Из истории советской исторической науки: Профессор В. Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920–1930-х годов // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тезисы докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Т. 2. М., 1990. С. 306–309; *Васильков Я. В.* Востоковеды Публичной библиотеки —

поистине «прерванный полет»! Расстреляны (ни с того ни с сего!) два сына, молодые талантливые ученые Георгий и Дмитрий; расстрелян брат — геолог Дмитрий Николаевич Бенешевич; еще вопрос, повезло ли жене Владимира Николаевича, Амате-Людмиле Фаддеевне Бенешевич (урожденной Зелинской), также отдавшей «должное» ГУЛАГу, пережившей все это и посвятившей остаток своей жизни борьбе за восстановление доброго и поруганного имени своего мужа. Целая семья стратотерпцев!

Конечно, хотелось бы представить сейчас уважаемым читателям не сборник некогда уже опубликованных статей о судьбе выдающегося ученого, а обстоятельную монографию о его жизненном пути, о бытовой и психологической составляющей этой великой личности, и не в последнюю очередь — о его замечательном семействе и его любимой супруге, к которой он еще до заключения с нею брака обращается с такими пронзительными словами (я долго сомневался, могу ли опубликовать это потрясшее меня интимно-трогательное послание, но в конце концов решаюсь это сделать):

Глубокоуважаемая Амата Фаддеевна! Поездка на Синай в понедельник должна состояться, потому что мне слишком тяжело выносить дольше недоговоренность и неправдливость в моем отношении к Вам, досказанная же правда проста: я люблю Вас. Страшно видеть написанными эти слова! Но будь что будет: тяжелее неправда! Пусть случится самое тяжкое и заслуженное мною, но пред Вашим взглядом я лгать не могу и не хочу: я люблю Вас, дорогую, чистую, прелестную, умницу и упрямицу, люблю, люблю! В. Бенешевич. 12/IV 08. СПб. Простите! Разорвите, забудьте! И если можете, не смейтесь! В. Б.²

Кстати, судьба давала мне шанс познакомиться с этой удивительной женщиной. Однажды, в мои аспирантские годы (1963–1966), когда я находился в читальном зале Отдела рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ), моя наставница по части греческой палеографии, хранитель коллекции греческих рукописей Евгения Эдуардовна Гранстрем сказала мне: «Обратите внимание вон на ту женщину за дальним столом, это Амата Фаддеевна Бенешевич!»

жертвы репрессий // Восточный сборник. Вып. 5. СПб., 1993. С. 232–235; *Burgmann L.* Hommage à Vladimir Nikolaevič Beneševič // *RJ.* Bd. 7. 1988. S. 3–12. См. также наши работы, указанные в нижеследующих примечаниях, а теперь представленные в настоящем издании.

² СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–4.

Я, конечно, «внимание обратил», но, поскольку мне (молодому крестину) имя Бенешевича в то время мало что говорило, я на этом не «зациклился», а напрасно! Мог бы войти в «поле зрения» Аматы Фаддеевны, может быть, даже погрузиться в ее воспоминания, и это могло стать основой для написания действительно полноценной монографии и о самом ученом, и о его семействе, к чему меня уже давно призывает мой старый друг — Борис Львович Фонкич. «Написать книгу о Бенешевиче — это твой долг!» — постоянно твердит он, и я его понимаю, но время — увы! — ушло, и так как мой жизненный путь тоже подходит к концу, сама идея написать такую книгу кажется мне утопической. «Тогда собери воедино все твои опубликованные статьи об архивных находках по теме о Бенешевиче!» — упорствует Борис Львович. Пришлось согласиться, и результатом этого «согласия» как раз и является данный сборник.

А может, это не так уж и бесполезно? В статьях запечатлены некоторые достаточно разрозненные аспекты научного творчества ученого, из которых складывается как бы некая мозаика его жизненного пути, говорится о каких-то (правда, единичных) нюансах психологически сложной жизненной ситуации выдающегося исследователя, ученого с мировым именем. Но, может быть, сливаясь воедино и дополняя друг друга, эти «нюансы» (в качестве своеобразных кирпичиков) и их тематическое единство способны хоть в какой-то степени воссоздать образ и судьбу ученого, даже если освещение биографических моментов оставляет желать лучшего? Хотелось бы надеяться!

Сошлюсь (в этой связи) на мнение одного из рецензентов (К. К. Акентьева), который, проанализировав в свое время мои статьи об архивных материалах В. Н. Бенешевича, приходит к выводу, что

...углубление в эти материалы раскрыло поразительное многообразие интересов выдающегося ученого, прояснило взаимосвязь различных составляющих его творческого пути и позволило заглянуть в его внутренний мир. Фундаментальные труды В. Н. Бенешевича по истории византийского канонического права оказались связаны с многообразными экскурсами в патристику, агиографию, литургику, в методологии ученого выявляется, по существу, междисциплинарный подход к предмету, как теперь это принято называть. Вместе с тем многообразие исследовательских интересов В. Н. Бенешевича раскрылось в контексте его взаимоотношений с современниками, коллегами, друзьями, прояснив его подлинное

место в истории науки также и в собственно человеческом ее измерении³.

И хотелось бы надеяться, что однажды появится обладающий специфическим талантом бытописатель (может быть, кто-то из моих коллег или даже учеников?), который наконец воздаст должное моему герою и выпустит в свет обстоятельную монографию, посвященную выдающемуся ученому и его семейству. Дай-то Бог!

Еще раз подчеркиваю, что все включенные в книгу материалы были опубликованы ранее. Благодаря моей дорогой помощнице Марине Николаевне Румынской, а также ответственному редактору издания (все тому же Борису Львовичу Фонкичу), тексты статей в той или иной степени подверглись редактированию, устранены (по мере возможности) некоторые повторы, внесены перекрестные ссылки и т. д. Большое им спасибо за проделанную бескорыстную работу.

* * *

Редакционная коллегия серии «Монфоко» сердечно благодарит А. Г. Бондача за большую работу по редактированию текста Выпуска 6 и подготовке книги к изданию.

³ См.: Византинороссика. Т. 3: Итоги и последствия: Византийское наследие на Руси. СПб., 2005. С. IX.

В. Н. БЕНЕШЕВИЧ: СУДЬБА УЧЕНОГО, СУДЬБА АРХИВА*

Личный архив В. Н. Бенешевича — это не просто собрание бумаг, отложившихся в результате деятельности ученого. Это результат методично, по заранее выработанному плану осуществлявшегося (на протяжении десятилетий и в процессе кропотливой археографической работы с рукописными собраниями всего мира) сбора, выражаясь современным языком, «банка данных» по истории римско-византийского, славяно-русского, грузинского и армянского права. Незадолго до гибели В. Н. Бенешевич сам определил объем, значение и сохранность научного материала, наработанного им за все 35 лет подвижнического труда. В письме к неперемennomу секретарю АН СССР Н. П. Горбунову от 19 мая 1936 г., черновик которого (простой карандаш) хранится среди бумаг ученого в С.-Петербургском филиале Архива РАН¹, он, описывая перипетии своей жизни, отмечает:

Объездил библиотеки Франции, Германии, Австрии, Италии, Турции, Греции, М. Азии и Египта. Обследовал все греческие рукописи юридического содержания не только виденных мною, но и всех остальных библиотек; описание рукописей сопровождалось фотографированием всего достойного в них внимания. Такая же работа проделана и над славянскими и грузинскими списками номоканонов². Часть собранного материала использована мною для длинного ряда (около 100) моих работ, которые нашли

* *Опубликовано:* Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–381.

¹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 663–667.

² *Зачеркнуто:* (слав.) переводами в виде Кормчих и юридических сборников, главные собрания которых ныне сосредоточены в СССР, в Москве и Ленинграде.

себе признание и высокую оценку в ученом мире³; меня избрали в Страсбургскую, Баварскую и Прусскую Академии наук, почетным доктором прав Афинского университета, почетным членом Афинского общества византиноведения, с 1925 г. я член-корреспондент АН СССР, а в 1928 г. был выставлен кандидатом для избрания в академики.

Однако основная масса моего материала остается еще до сих пор почти без движения. Правда, большое движение для него произошло благодаря тому, что 25 ноября 1928 г. я без всякой моей вины был арестован и пробыл в тюрьме и ссылке до 13 марта 1933 г., а тем временем моя библиотека и мои материалы были основательно разорены: из описаний рукописей 49 виденных мною библиотек сохранилось частично описание только трех, более 2000 фотографий и много работ частью или целиком погибли, специальный подбор книг для работы совсем расстроен и от библиотеки моей сохранилось около $\frac{1}{3}$, да и то частью в обрывках. Все же осталось еще столько, что хватило бы работы на годы целому институту.

Моя работа распадается на два основных отдела. Первый касается истории югославянского и древнерусского права, и в него входят: 1) Исследование Кормчих и юридических сборников, которое создает основную базу для работ над исследованием и изданием ряда важнейших памятников югославянского и древнерусского права, в частности мною описаны все Кормчие и сборники, содержащие Русскую Правду. 2) Памятники древнерусского права оригинальные, т. е. не переводные⁴, за время до конца XV века⁵. 3) Деяния русских церковных соборов до конца XVII века, представляющие вместе с предыдущими памятниками первостепенный⁶ интерес⁷.

Весь этот материал служит к тому, чтобы историю допетровской Руси освободить от ряда миражей и фетишей и поставить на совершенно новые пути, идущие вразрез с историографией⁸ старого режима и выявляющие ту⁹ правду, искание которой¹⁰ ставится ныне в основу изучения и преподавания истории.

³ Следует зачеркнутое: Запада.

⁴ Следует зачеркнутое: собрано мною.

⁵ Следует зачеркнутое: чрезвычайно полно.

⁶ Следует зачеркнутое: историко-культурный, экономический и бытовой.

⁷ Следует зачеркнутое: собраны исчерпывающим образом.

⁸ Следует зачеркнутое: эпохи.

⁹ Следует зачеркнутое: историческую.

¹⁰ Следует зачеркнутое: по авторитетному указанию наших вождей поставлено в качестве одной из основных задач.

Вторая основная часть моей работы касается истории византийского права. В 1934 г. я уже сделал IV Международному византийскому конгрессу доклад о необходимости приступить к¹¹ работе над обширным полным собранием всех памятников византийского права, и светского, и церковного (Corpus scr. j.ug. gr.-rom.), и Международный комитет конгресса постановил даже приступить к составлению предварительного обзора всех рукописей, содержащих эти памятники¹². Но у меня уже собрано очень много фотоснимков, позволяющих наново издать длинный ряд памятников; один из них¹³, и притом один из труднейших, развивающийся с VI в. по XIV в., я уже издаю в Баварской АН согласно заключенному еще около 1912 г. условию (это издание займет 3 тома).

И над византийскими памятниками права работа открывает совершенно новые перспективы для истории Византии¹⁴, а тем самым и для истории ряда народностей СССР¹⁵.

Обладание такими материалами соединяется у меня с ясным сознанием того, что подготовить их надлежащим образом для использования можно только при моем содействии, но мне уже 62 года, живу я в крайне неблагоприятных, вернее, отвратительных квартирных условиях и уже не чувствую в себе прежней силы. Особенно же тяжело видеть себя заживо погребенным усилиями тех учреждений, для которых моя работа не только полезна, но и необходима. С 1900 г. более 25 лет я проработал при содействии и поддержке и на пользу АН, и в результате вижу себя тщательно устраненным от работы отовсюду. Навязываться никому не хочу, но никак не могу примириться с таким положением, что в СССР бесполезно теряется некоторая научная сила¹⁶, и иногда наново делается работа, которая уже мною сделана...¹⁷

¹¹ *Следует зачеркнутое:* собранию.

¹² *Следует зачеркнутое:* Кажется, из этого пока ничего не вышло.

¹³ *Следует зачеркнутое:* относ[ящийся] к VI веку и чрезвычайно важный для истории византийского права на протяжении 9 веков сборник Иоанна Схол[астика].

¹⁴ *Следует зачеркнутое:* а при этом необходимо привлечь к делу не только славянские переводы, а и грузинские, армянские, сирийские.

¹⁵ *Следует зачеркнутое:* могут быть ясны и точнее установлены культурные связи между ними и значение каждого.

¹⁶ *Следует зачеркнутое:* которая должна и желает быть использована согласно с требованиями нашей жизни.

¹⁷ В последних словах содержится явный намек на группу Б. Д. Грекова, готовившую академическое издание Русской Правды (см. об этом ниже).

Спрашивается, каким же должен был быть объем наработанного ученым материала, если то, что сохранилось, составляет одну треть от него? Ведь дошло до нас несколько сотен (более 600) архивных единиц хранения, тысячи листов, рассредоточенных по разным архивам. Первое место по насыщенности материалами Бенешевича держит, безусловно, С.-Петербургский филиал Архива РАН, в котором для описания личного фонда ученого (ф. 192) понадобилось три описи: в первой, содержащей 127 единиц хранения, указаны преимущественно материалы опубликованных и неопубликованных трудов В. Н. Бенешевича (среди них нередко можно встретить письма ученого и к нему, фотоснимки рукописей), материалы других ученых (опись датирована 30 декабря 1970 г.); во второй описи (223 единицы хранения) указана исключительно переписка ученого; в третьей (221 единица хранения) и биографические научные материалы жены и сыновей, д. 222–275) расписан преимущественно фотоархив В. Н. Бенешевича, но также указаны материалы о его работе в различных научных учреждениях по отбытию заключения и реабилитации (сюда же входит и переписка Л. Ф. Бенешевич с руководителями ВКП(б), правительства и учреждений по вопросам реабилитации мужа и детей), его известная «Автобиография» и списки научных трудов.

Далее идут: Архив С.-Петербургского института истории РАН (ф. 261), в котором, правда, имеется всего 13 единиц хранения, но они содержат ценнейшие научные материалы самого Бенешевича и других ученых (М. И. Горчакова, С. В. Юшкова, П. Б. Шаскольского и др.), битком набитые в 6 больших картонов (существующая опись весьма поверхностна, материалы, по существу, еще не прошли настоящей архивной обработки); Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, в котором содержатся ценные материалы по подготовке Бенешевичем каталога греческих рукописей РНБ и некоторые другие документы и фотоматериалы, а также Архив этой библиотеки, где хранится «личное дело» В. Н. Бенешевича; Архив Института востоковедения, где в фонде Палестинского общества хранится немало материалов, связанных с деятельностью в нем В. Н. Бенешевича в качестве ученого секретаря; наконец, Архив С.-Петербургского университета, в котором, в частности, хранятся ценный «Формулярный список о службе и. д. экстраординарного профессора по кафедре церковного права Имп. Петроградского университета, Статского Советника В. Н. Бенешевича» и печально знаменитый протокол от 10 октября 1937 г. № 42 заседания кафедры истории средних веков ЛГУ (тогда им. А. С. Бубнова), фактически обречшего ученого на смерть.

Что касается писем Бенешевича, то они рассеяны по многим личным фондам других деятелей науки в архивах как Петербурга, так и Москвы. Обширная переписка ученого предполагает наличие большого числа его писем в зарубежных архивах¹⁸, могущих лишь частично быть установленными здесь с помощью сохранившихся черновики (в этом, правда, В. Н. Бенешевич был пунктуален) и ответов корреспондентов¹⁹.

Есть, наконец, еще один имеющий к В. Н. Бенешевичу непосредственное отношение и весьма специфический архив — Управления ФСБ России по С.-Петербургу и Ленинградской области, в котором хранятся следственные материалы по так называемому академическому делу 1929–1931 гг. (д. № П-65245), шестой том которого — следственное дело В. Н. Бенешевича²⁰. Все эти материалы готовятся сейчас к опубликованию, поэтому мы не можем здесь ими пользоваться. Ограничусь лишь одним общим замечанием об их несомненной информационной ценности: если отбросить в сторону дьявольскую фантазмагорию (или «мистификацию», как назвал это сам В. Н. Бенешевич) сфабрикованного следователями по указке Политбюро ЦК ВКП(б) политического процесса, с «признанием» в принадлежности к мифическому «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России», с «покаянием» и т. д., то следует признать, что многие его «показания» — это развернутые (собственноручные) монологи с изложением его взглядов (он и не собирался притворяться!) на многие кардинальные проблемы истории и современности, чрезвычайно важные для воссоздания его мировоззрения.

Вернемся, однако, к сетованиям В. Н. Бенешевича об утрате большей части материалов из его личного архива. Эти сетования проходят лейтмотивом через всю его переписку 1933–1937 гг., вызывая соответствующую реакцию со стороны корреспондентов: «Утрата Ваших

¹⁸ См., например: *Герд Л. А.* Письма В. Н. Бенешевича к французским асумпционистам // *Spicilegium Byzantino-Rossicum*. Сб. статей к 80-летию И. П. Медведева. М.; СПб., 2015. С. 97–110.

¹⁹ Один только пример: открыткой от 2 мая 1934 г. вдова Августа Хайзенберга Анни сообщает, что Эдуард Шварц уехал на восемь дней в Берлин для приведения в порядок бумаг, оставленных умершим недавно (в 1931 г.) Вилламовицем-Мёллендорфом, и нашел среди них письмо Бенешевича (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 46. Л. 6).

²⁰ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. XLIX–LI. О следственных материалах в связи с арестами В. Н. Бенешевича 1928 и 1937 гг. см. с. 411–426 настоящего сборника.